ИЮЛЬ 1928 № 29 ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Рис. А. Радакова

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

В турецких мечетях введена музыка.

— Велик Аллах и велика мудрость его...

— О, да! Это уже недалеко от настоящего магометанского рая по Корану!

МЯСОРУБКА

Жена попросила учителя Костроминова смолоть мясо для котлет к обеду. Он наточил резак и, приспособив дощечку, сел молотить мясо на крыльце. Дело оказалось труднее, чем он думал; мясо было жилистое, оно рвалось клочьями и летело в разные стороны из-под ножа. Через пять минут Костроминов сказал, облившись потом и заматывая тряпочкой порезанные пальцы:

— Ну его к чорту, пойду попрошу мясорубку у Марьи Петровны. Пора машинизировать труд...

Марья Петровна, жена председателя волисполкома Залесского, вместе с ним учительствовала в школе, в селе Пресняны, Смоленского уезда. С коллегами она была не в ладах, раздражая их высокомерием и хамством и манерой держать себя, как былая исправница в местечке.

Она манкировала службой и постоянно пропускала уроки и заседания, заставляя других работать за себя; она захватила школьный огород, лишив остальных служащих права пользоваться землей, кое-как помогавшей, все же, учителям сводить концы с концами; она заняла лучшую комнату в школе и безраздельно властвовала на кухне, раз и навсегда отказавшись вносить свою долю на дрова, но бесцеремонно сдвигая и снимая с плиты учительские чайники и горшечки каждый раз, когда ей нужно было поставить туда свою посуду; она сливала помои и ночные нечистоты прямо во двор из окошка, ни мало не стесняясь при этом окатывать ими проходящих людей.

Она держала в страхе и трепете и учеников, и соседей, и школьный персонал; когда кто-нибудь пытался робко указать ей на грубость и бестактность ее невозможного поведения, — она кричала, как щедринская управительница, подпирая бока руками:

— Я Залесская или нет? Я жена председателя! Вы знаете, куда я вас могу загнать?!.

Так как быть куда-то загнанным никому не хотелось, то все предпочитали смиряться и терпеть, — и учителя молча отрабатывали за нее уроки, и их жены молча уносили подогревать где-то на кострах, на задворках снятые с плиты свои кастрюльки, и прохожие молча утирались, когда из окна ее квартиры на их головы выливалась жидкость из ночных горшков.

Костроминов заведывал школой, и Марья Петровна считала, все же, нужным поддерживать с ним кое-какие отношения. Она дала ему мясорубку и снизошла даже до того, что лично показала, как нужно регулировать винт и подкладывать куски, чтобы в мясе не оставалось несмолотых волокон и жил.

Костроминов приладил машинку и отрегулировал, как она показала, винт, но едва он сделал первый поворот ручкой, как в середине вдруг треснуло что то, и несмолотое мясо поползло вверх. Он снял крышку и к ужасу своему увидел сломавшийся пополам резец.

Сразу же он представил себе дикую сцену, которая сейчас произойдет, — и его бросило в жар. Он побежал к жене, и они стали обсуждать положение и перебирать знакомых, у которых можно было бы занять, чтобы возместить Марье Петровне стоимость машинки, десять рублей. Было, однако же, ясно, что она не удовлетворится деньгами, и избежать скандала этим не удастся.

Тогда Костроминова вспомнила вдруг, что только на-днях видела новую мясорубку у жены участкового агронома; они бросились туда, об'яснили в чем дело, и жена агронома, после долгих колебаний, уступила свою машинку.

Марья Петровна, когда Костроминов принес ей, с об'яснениями и извинениями, новую мясорубку, вспыхнула, и ноздри у нее раздулись, как паруса в бурю.

— Милый мой! — сказала она, вертя машинку в руках: — поищите другую дуру. То была царская мясорубка, а вы мне даете советскую дрянь?!

— Но что же делать, раз уж так вышло?

— Милый мой, это меня не касается. Не надо было ломать. Потрудитесь представить мне точно такую же, с гербом, с орлом.

И она закричала, как всегда, что она Залесская, и каждого может упечь, куда Макар телят не гонял, и не потерпит, чтобы всякие проходимцы ломали и портили ее вещи. Возмутившись в свою очередь, Костроминов сказал тогда, что тоже не позволит на себя кричать, что он сделал все, что мог, считает инцидент исчерпанным и не станет искать где то, чтобы на него смотрели, как на идиота, мясорубку с гербом.

— Ах, вот как? — зловеще прищурилась Марья Петровна: — ну это мы еще посмотрим, мой милый...

Вечером к Костроминову явился с начальником милиции сам председатель исполкома Залесский; на руках у начмила был ордер на арест учителя, как грабителя, обвинявшегося в налете на квартиру председательницы.

— Позвольте, что же это? — растерянно спросил Костроминов, и у него задрожали губы.

— Это мясорубка! — сказал Залесский, и вдруг закричал, бешено выкатывая глаза: — Я тебя спрашиваю, рябая морда, найдешь мясорубку с царским гербом?

Костроминов вспыхнул и схватил медный пестик со стола; к нему с плачем кинулась жена; начмил деловито оправил кобур с наганом на пояске.

— Жаловаться буду! Произвол! Негодяи! — хрипло сказал Костроминов и, держась за сердце рукой, опустился на стул.

Начмил двинулся было к нему, но Залесский понял, что перехватил через край.

— Брось! — сказал он: — еще скапутится, пожалуй. Я с ним иначе посчитаюсь...

***

Через день, по предложению исполкома, в школе было созвано срочное родительское собрание. Залесский прибыл туда вместе с секретарем партийного комитета Ивановым. Он взял слово и поставил вопрос о невозможности дальнейшего пребывания Костроминова, как хронического пьяницы, в школе.

Собрание хранило растерянное и изумленное молчание; всем было известно, что Костроминов не пьет, что он отличный педагог и администратор и поставил школу на большую высоту; дети любили его, и население всегда относилось к нему с уважением. Однако же, люди молчали теперь под испытующими взглядами начальства, как будто им законапатили рты замазкой.

Выступил сам Костроминов.

— Мне трудно говорить о себе — сказал он прерывающимся, дрожащим голосом: — да вы все, впрочем, знаете меня. Я вам расскажу о настоящей причине...

И он рассказал о мясорубке, о царском гербе, о Марье Петровне, об ордере на арест и обещании посчитаться с ним другими средствами и путями.

Вслед за ним встал сейчас же секретарь волкома Иванов.

— Как член укома, — твердо сказал он, — я должен прежде всего засвидетельствовать, что царские мясорубки, действительно, лучше советских...

Он продолжал, и произнес, лавируя и искусно обходя щекотливые моменты, пространную речь о пользе просвещения, о культуре, об освежении аппарата и принципах новой трудовой школы, в которой не должно быть места пьяницам, склочникам и мещанам.

— Я не пьяница! — сказал Костроминов, и слезы выступили у него на глазах, и спазма сжала его горло: — Я не склочник! Это ложь, клевета! Здесь сидит сто человек. Граждане, скажите же что нибудь обо мне!

В задних рядах поднялся селькор, общественник Герасимов.

— Мы хорошо знаем учителя! — начал он: — Уж если о ком говорить, так о Марье Петровне давайте говорить, о красной барыне...

— Прохоров! — тихо, но так, однако, чтобы голос его был слышен во всех углах комнаты, сказал Залесский председателю сельсовета: — Лишить его прав к перевыборам!

Прохоров взял карандаш и отметил что то на листе бумаги. Герасимов покраснел, запнулся, сбился и вдруг сел, на полуслове оборвав речь.

— Кто еще хочет высказаться? — спросил, впиваясь глазами в собрание, Залесский. — Желающих нет? Голосовать, очевидно, излишне, вопрос исчерпан...

... Вечером Костроминов вышел во двор. Спать он не мог. То, что произошло, казалось ему чудовищным; приходилось бросать школу и детей и опозоренным уйти из села, где он с такой любовью, почти отказавшись от личной жизни, на протяжении лет, отдавал людям крохи своих скудных знаний, своей мысли, своей души; ощущение собственного бессилия было тягостно и угнетало его.

Вверху открылось окно и кто-то плеснул оттуда жидкостью; он, отираясь, смахнул с лица клочья вареной капусты из прокисшего борща.

— Ну что, доигрался? — спросила Марья Петровна, высовываясь в окно: — будешь чужие мясорубки ломать? Я Залесская или нет? Последний раз говорю: найди царскую, с орлом. Восстановлю!

А. Зорич

БЮРОКРАТ В ЮБКЕ

Ее специальность — обследования.

Ее нельзя представить себе иначе, как задающей вопросы и записывающей что-то в кожаную тетрадку, извлеченную из портфеля.

Ее вопросы всегда поражают тем, что не относятся к делу.

Попробуйте сказать ей:

— А я, знаете ли, влюбился, товарищ!

Она тотчас же достанет тетрадку и перебьет вас деловито:

— Постойте... Вы—член профсоюза? С какого времени?

И запишет...

Сама она не имела и не имеет личной жизни. Она, вообще, беспомощна во всяком деле, которое не начинается с анкеты и не оканчивается актом обследования. Поэтому-то она не вышла замуж, не имеет детей...

Ей было поручено однажды выяснить — кому целесообразней передать ребенка: — отцу или матери.

Ей говорили тогда:

— Как же вы подойдете-то к этому делу? Придется вам знакомиться с этими людьми, что ли?

Однако, она отвечала, поджимая губы:

— Считаю это совсем излишним. У меня — другой метод работы.

И вот, сходивши куда-то раза два, она села к столу, склонила над бумагой голову, украшенную жиденьким кукишем волос, и вывела каллиграфически:

«При обследовании выяснилось: мать занимает должность машинистки и занята шесть часов в день; отец — ответственный работник — занят в среднем восемь три четверти часов в день. Следовательно, мать может уделять ребенку 18 часов в сутки, а отец — лишь 15 с четвертью. Расстояние: от дома матери до школы — 1 километр; от дома отца — 3½ километра. Из проведенной с ребенком в течение 10 минут беседы выяснилось, что слово «мама» девочка произнесла 4 раза, а слово «папа»—2. Предложение: передать ребенка матери».

Помнится, прочитав это, кто-то сказал:

— А вы уверены, что этих сведений достаточно? А? Дело-то ведь такое... Тонкое дело...

На это последовал ответ презрительно поджатыми губами:

— Тонкого тут не вижу, всегда так работаю и всегда — отлично!

И тот, кто смотрел на нее в это время, не мог бы не думать о том, что природа была скупа на этом участке.

Создав этот репей, она не наделила его ни каплей сока, ни признаками смысла существования.

В. Авилов

ВСЕ В ПРОШЛОМ...

Рис. Л. Бродаты

— Ах, сколько я испытаний на своем веку перенес!
— Каких?
— Рысистых. На бегах.

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ

На ваш размер остались две кепки, — сказал приказчик, — вот эта — красная, и вот еще одна: из глазета кепочка...

Федя Супцов с досадой окинул взглядом наполненные головными уборами шкафы за прилавком и, неопределенно показывая рукой, сказал:

— Дайте тогда... это...

— Шляпу? Разрешите... бантик должен слева... Вот — зеркальце...

Из зеркала на Федю неожиданно глянул солидный и элегантного вида человек в мягкой шляпе. Не то — концессионер, не то — народный артист республики. Это было так изящно и даже культурно, что Федя, захлебнувшись, сразу решил:

— Заверните!

Сунув в картонку шапку с наушниками, которая теперь стала грубой и в конец заношенной, он вышел из магазина походкой, соответствующей новому обличью.

На улице стекла больших витрин время от времени показывали Феде все того же солидно-элегантного человека. И Федя, наблюдая свой новый вид, пришел к пленительному и похвальному решению начать новую, красивую жизнь, жизнь цивилизованного и корректного европейца.

Сказано — сделано. Федя тут же, на улице и в трамвае, куда он вошел, соблюдая строгую очередь, стал осуществлять свое решение. В трамвае Федя извинился не менее пятидесяти раз. А затем, подойдя к газетчику, с достоинством спросил:

— Из иностранных журналов что-нибудь есть?

— Вот — «Ди Воше» вчерась вышла!

— Дайте ее!

С немецким журналом в руках красивая жизнь казалась полнее.

Правда, дома пришлось расстаться со шляпой — главным аттрибутом новой жизни, но Федя нашелся: он повесил шляпу посреди комнаты, так что ее отовсюду было видно.

И толстовки, против обыкновения, Федя не снял, а, наоборот, поддел под нее свежий воротничек и галстук.

Вскоре за дверью послышался тяжелый топот и сопенье, Федя открыл дверь настежь, — чтобы шляпа могла увидеть его галантный поступок,—и любезно обратился к соседке, проносившей самовар:

— Позвольте, я вам донесу!

И донес. А потом вернулся к себе и стал аккуратно перевешивать галстуки, мурлыча фокстрот, про который наверное знал, что он — заграничный.

За этим делом Федю застал его приятель Шутихин.

— Здоров, Федька! — весело сказал Шутихин и, присев на стол, сразу подмял под себя номер журнала «Ди Воше». — Как жисть молодая?

Федя ответил с любезной сдержанностью — вполне в духе избранного им образа жизни:

— Благодарю, я чувствую себя отлично.

Шутихин кинул по направлению к вешалке пальто, сдвинул кепку на затылок и, ничуть не оценив великой жизненной перемены хозяина, продолжал:

— Брось интеллигентность наводить... Со мной вчера какой номеруля был. Чистый смех. Понимаешь, попером я на службе в уборную. Открываю дверь — а там одна наша сотрудница. Из бухгалтерии. Ну, что смеху было!..

Федя про себя пожалел, что он стоит перед приятелем без новой шляпы, и, таким образом, Шутихин не может увидеть его в полном облачении европейски-цивилизованного человека. Он наскоро прикоснулся рукой к шляпе, чтобы зарядиться ее культурным духом, и тогда уже отвечал:

— Печальное недоразумение! Надеюсь, вы уладили его в соответствии с приличиями?

— Брось ты дурака валять со своим приличием! Меня, брат, не разыграешь. Ты лучше послушай, как нынче у нас в дому пьяного били. Сперва управдом ему вдарил сюда, в скулу, потом дворник ка-ак даст два раза под вздох...

— Смею вас заверить, — сказал Федя, — я не присутствовал бы при этой варварской расправе

Тогда только Шутихин прищурился, и внимательно оглядел приятеля. Потом он заговорил:

— Тэк-с. Перешел, значит, со мной на «вы»? Ну, хами, хами. Забурел больно. Конечно, другой на моем месте за это хамство и нахальство дал бы тебе раза по морде... Но я с такой рожей даже и связываться не хочу. Кхатьфу на тебя, вот и все!..

Шутихин действительно плюнул, и плюнул так метко, что угодил в самую шляпу.

Само собой, даже обращенное к красивой жизни сердце Феди Супцова не могло выдержать такого надругательства над талисманом культуры и цивилизации. Европеец Федя внезапно услышал свои собственные слова:

— Ты смотри, куда плюешь, чорт! Я тебе, подлецу, покажу, как на чужие шляпы харкать!

Шутихин, схваченный за шиворот в тот самый момент, когда он собирался уходить, радостно выслушал эту и еще несколько реплик, по которым он вновь признавал старого приятеля.

— Сам виноват, — сказал Шутихин, когда оба успокоились,— нечего было из себя аристократа строить!

Мир был восстановлен. Но, как чувствовал Федя, восстановлен на обломках начавшейся, было, красивой жизни. И в виде символа всему происшедшему висела оплеванная шляпа.

— Федор Петрович, — пропищала за дверьми соседка, — не поможете ли мне передвинуть комод?

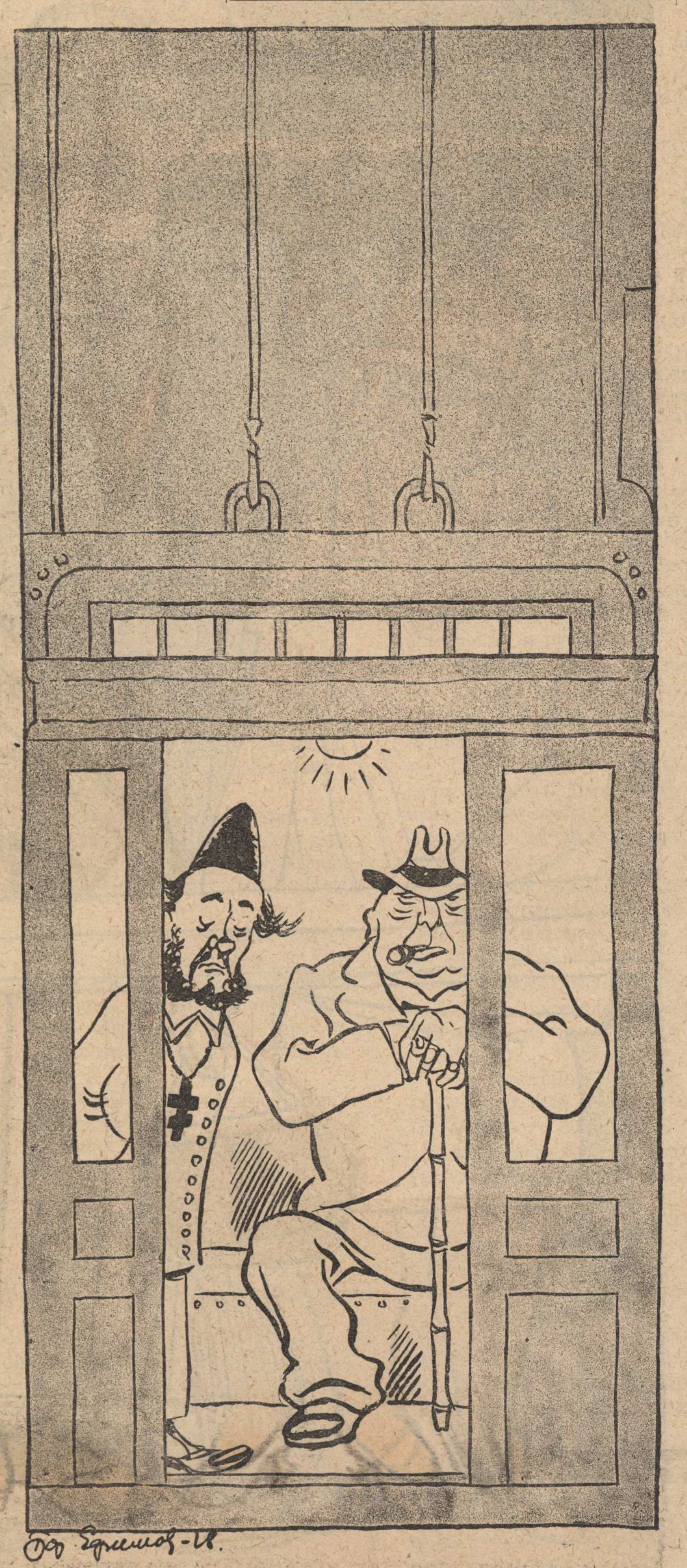
— Сама передвинешь, не сдохнешь! — резво отозвался Федя.

В. Ардов

НА БОГА НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ

Рис. Б. Ефимова

Нашумевший в свое время иеромонах Иллиодор служит сейчас в Нью-Иорке швейцаром при лифте.

ИЛЛИОДОР: — Конечно, возносить души к небесам почетнее, но возносить тела к верхним этажам прибыльнее.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Он молод и красив...
Изящен и высок...
Он элегантен, да!
В нем лучших качеств — завязь!
  По-модному подстриженный висок,
Улыбка, снисходительный басок, —
  Все это вызывает зависть!

Средь юных девушек,
Среди дебелых жен,
Чьи головы плывут,
Чьи головы в угаре —
Он царствует — сей Жоржик или Гарри,
  Так называемый пижон!

На вечеринку мы попали и сидим...
  Читатель дорогой,
    Теперь глядите в оба.
Хозяйка... вот она! Прелестная особа...
  Она танцует с ним,
    С пижоном молодым!

О, как искусен он!
  Когда успел он, плут,
И где учился он
  Чарльстонам и фокстротам,
Притоптываньям,
Взмахам,
Поворотам,
Когда движения, как лилии, цветут?

Вот он плечом потряс...
Скрипит его жилет...
Вот он расширил шаг
И тут же ловко с'узил, —
Кто научил его?
Кто передал секрет? —
Какой приезжий из Бордо французик?

Тут удивления нам невозможно скрыть!
Тут восклицания должны прорваться
  наши...
Ведь вы подумайте:
Ну, кто он? Сын мамашин?
Актерик? Счетовод?
    И вдруг такая прыть,

Такое знание всех тонкостей, всех мод,
Манеры светские,
Напевы,
Анекдоты...
Кто ты такой? Откуда ты, урод?
    Ответь нам: кто ты?

Что для тебя наш быт,
Строительство и труд,
Стремления, мечты?
    Ты этого не слышишь...
Ты усмехаешься...
    О, ты гораздо выше!
Тебя в Париж
    Мечты твои влекут...

Ты ухитрился здесь,
Где труден каждый миг,
Устроить сладкий быт
Танцора и мальчишки, —
Парижским галстуком
Подвязан твой кадык,
Такой же пудрою
Присыпаны подмышки...

Гляжу... Танцуешь ты...
Я сяду в уголок.
И вот доносится
Сквозь топанье галопа:
  — Европа...
    (слышится хозяйкин голосок)
И ты вздыхаешь с ней:
    — Европа... ах, Европа!..

Мечтаешь о Европе, шарлатан?
Но что тебя влечет
В Парижи и Берлины?
  Какие тайные причины?
  Какой заветный план?

Быть может, кажется она тебе желанной,
  Быть может, потому
    В Европу метишь ты,
Чтоб «из Германии туманной»
  Привезть «учености плоды»?

О, нет! Ты не таков!
О, тут совсем другое!
Не за ученостью
Туда стремишься ты...
  Чарльстон
  Новейшего покроя
  Или жилет
  Волшебной красоты —

Вот те плоды,
Что для тебя сияют
На дереве запретном том!
  Европа... ах!
    (В Европу не пускают...)
Европа... ах!
    Джазбандов жесткий гром,

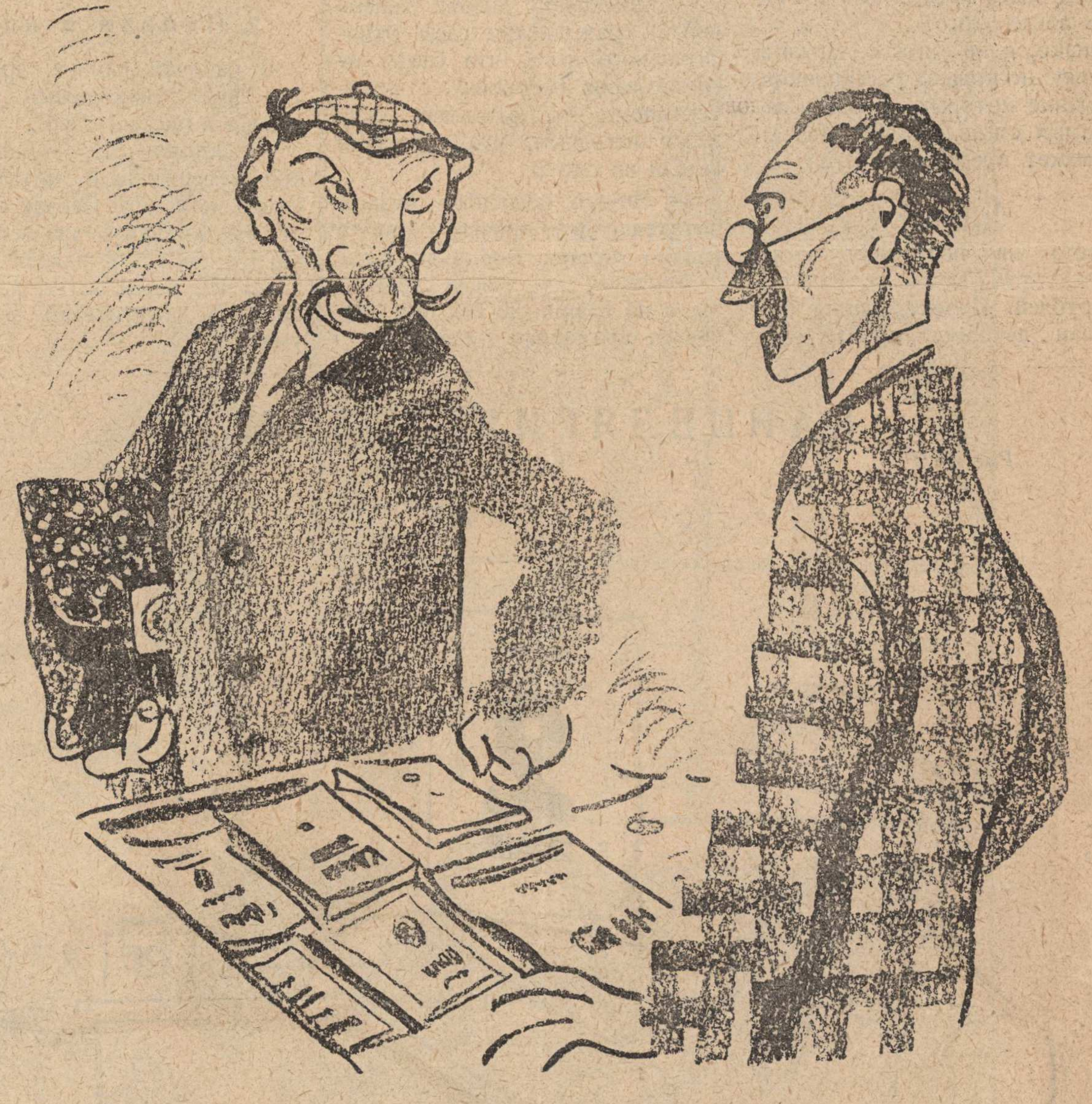
И голых девушек
    Букет на сцене пышной —
Вот, что тебя манит...
    Но, милый мой, не вышло!
Не для тебя гитар гавайских стон —
  Новейший Чайльд-Гарольд,
    Советкий плут, пижон!

Тебе остались сны...
    Мечтай, пижон, мечтай,
  Веди о той Европе разговоры, —
Где дансинг раскрывается, как рай,
  Где лучшая карьера — в сутенеры!

Зубило

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

Рис. К. Ротова

— Скажите, нет ли у вас самоучителя по культурной революции?

НЕОЖИДАННЫЕ КОНЦЫ

Трудно нынче писать фельетоны. Только что напишешь две-три фразы, — уже читатель наперед знает конец. Вот и старайся после этого!

Однако, я не унываю. Ниже я привожу несколько рассказиков, окончание которых ни один, даже самый смышленный, читатель не сможет предвидеть. Итак:

1. Дом.

Смета на постройку этого здания выражалась в сотнях тысяч рублей. Проект здания был заказан лучшему архитектору Москвы, исполнение проекта было возложено на виднейших спецов.

— Довольно! Знаем! Теперь пойдет гражданская слеза относительного того, что спецы не согласовали постройку с архитектором, что фундамент оказался негодным, что строители вышли из сметы.

— Ничего подобного, мудрый читатель! Дом прочно стоит и плотно заселен. Постройка вышла дешевле, чем думали строители, а на здании до сих пор красуется мраморная доска:

> Построено в 1912 году
> по проекту
> А. П. Колосова.

2. Пивная и клуб.

В рабочем районе, друг против друга, находились грязная пивная и чистый клуб...

— Остановись! — машет рукой нетерпеливый читатель. — Старо, как мир! Сейчас последует замызганная фраза о том, что клуб пустовал, а пивная процветала, что наши клубы не умеют привлечь посетителей, а пивные умеют...

— И на этот раз вы опростоволосились! Как раз в пивной-то не было ни одного посетителя, а в клубе они еле-еле помещались. И ничего в этом нет удивительного, ибо у входа в пивную висел плакат:

> По случаю ремонта
> ЗАКРЫТО.

а на клубных окнах красовались об'явления:

> В клубном буфете имеется большой выбор разных вин по прейс-курантам Винторга, Армении и Конкордии... Пиво кружками по ценам М. С. П. О.

3. Редактор.

В редакцию явился юноша и, смущаясь, передал редактору такое четверостишие:

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.

— Скучно! — зевает читатель. — Конечно, редактор сказал, что в стихах нет идеологии, что они бездарны, что «жаль» и «печаль» — затасканная рифма, что писать стихи — это удел не всякого, кто умеет грамотно расписаться в жалобной книге, и в довершение всего черкнул на стихах резолюцию:

> ВОЗВРАТ!!!

— Нет, дело было иначе! Редактор был, очевидно, большим оригиналом. Он несколько раз с восторгом прочел эти стихи, затем почему-то сказал, что ни один из современников Пушкину в подметки не годится, и вместо жуткого слова «Возврат», написал другое, бойкое и хлесткое:

> ПЛАГИАТ!!!

4. Ликбез.

По вечерам в здании трудшколы происходили занятия ликбеза. Ровно к восьми в школе появлялись серьезные учителя.

— Тошно! Нудно! — вопит читатель. — Учителя, конечно, являлись аккуратно, но учащиеся не следовали примеру учителей. Учащиеся мужчины-бородачи и пожилые женщины говорили:

— До седых волос дожили без грамоты, так уж до смерти наверняка без нее доживем!

— Опять поспешили! Опять не угадали! Ровно к восьми, а то и раньше, являлись учащиеся, солидные дяди и тети, и жадно впитывали в себя правила русской грамматики, усердно учились писать и читать по-русски.

Да! Они были иностранными рабочими, эмигрировавшими в СССР от западного гнета.

Они, конечно, хотели как можно скорее изучить язык и литературу своей новой родины.

М. Коварский

КАНЦЕЛЯРИЯ ЛЕТОМ...

Рис. К. Р.

— Сейчас убил пять мух. Две — мужского пола, а три — женского.
— Как это ты узнал?
— Очень просто: две сидели на бутылке водки, а три на зеркале.

Рис. М. Черемных

КОГДА ПОЮТ ПЕТУХИ

На многих фабриках пожарные команды находятся в недопустимом состоянии: неявляются на пожары, чаще всего опаздывают и т. д

— Как эти люди любят все революционное: красного петуха, например, они никогда пальцем не тронут!..

РЕГИСТРАТОРСКОЕ СОМНЕНИЕ

Рис. Ю. Ганфа

— Фу ты! Помню, что воротнички у меня сорок первый номер. А только исходящий или входящий номер — право, забыл!

ВСЯКАЯ БУЗА

Когда-то были конкурсы на «лучшую ножку» или на «изящнейшую шейку». Теперь нашлись остряки, желающие это повторить. По словам «Комс. Правды»:

— В Сормове юнсекцией клуба им. Горького (клуб охватывает всех рабочих района) об'явлен конкурс на лучший загар.

То что клуб охватывает всех рабочих района, это еще не так страшно, но то, что мещанский порыв давать премию за загар охватывает юнсекцию — это уже гораздо хуже.

***

Любители фотографий снимают из-за хорошей фигуры. Из-за красивых глаз. Снимают за рожи. Но из-за чего снимают на бирже труда? Об этом достаточно образно рассказывает «Труд»:

«В помещении московской центральной биржи труда (в Рахмановском п.), вывешено огромное красное полотнище, на котором выведено белой краской: «Курить в помещении биржи труда воспрещается. Виновные будут сниматься с учета».

«Труд» спрашивает:—Что это серьезно, или шутка? Мы отвечаем: серьезная шутка людей, не умеющих острить.

БОГОСЛУЖЕНИЕ ПО-СОВЕТСКИ

На предстоящем церковном соборе будет создана комиссия для приспособления старых молитвенных текстов к советской действительности.

Молитва, действительно, должна быть приспособлена к событию и к требованиям эпохи...

Цель моя — подать идею, а детали, подробности... — это дело живой церкви или там «епископского собора», что-ли...

***

Возьмем литургию...

Начинать: «Благослови, владыко» — не годится!

...Дьякон выходит в красной ризе с пятиконечными звездочками и начинает басом:

— Про-о-о-летари-и-и всех стран, соединя-а-а-йте-е-е-есь!..

Священник:

— Да здравствует пролетарская революция ныне, присно и во веки веков!

Хор, во все горло:

— Да-а-а-е-о-о-о-о-ошь!

Начинается великая ектенья:

1. — За СССР, УССР, БССР, ЗССР и прочие ССР господу помолимся!

Хор, конечно: — Господи, поми-илуй!

2. — За рабов божиих — ВЦИК, СОВНАРКОМ, ГОСПЛАН, ЭКОСО, ГПУ — господу помолимся!

(...Господи, помилуй...).

3. — За махортресты, табактресты, кожтресты, прочие тресты, и за мыло-сало-сода-синдикат, и за жиркость — господу помолимся!

(...Господи, помилуй...).

4. — Сокращение штатов, налоги, биржу труда, финотдел — Христу богу предадим!..

(Тебе, господи!)

5. — Освобождение от налогов — у господа просим!

(Подай, господи!)

6. Потом значит:

— Елицы соглашатели изыдите, да никто бо соглашатели, елико революционеры, паки и паки коллективом господу помолимся!..

Когда «изыдут», значит, соглашатели, тогда уже и за «Херувимы» приняться.

Вместо «Иже херувимы» лучше всего будет, ежели весь притч с архиереем во главе выйдет на середину церкви и бодро грянет:

«Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян!..»

7. Евангелие... Ну, тут ясно, можно первую главу из «Капитала»...

Концерт: «Вставай, проклятьем заклейменный!».

«Многая лета» — так и остается.

Кому «Многая лета»?

Ну, понятно, это уж — что у кого на уме. Знаем кому!

... Что еще там?

Дальше — детали, мелкие подробности,— их легко приладить к празднику...

Я — к примеру, идею только даю...

Конечно, если бы мою идею приняли во внимание, то комиссия по этому вопросу всегда может рассчитывать на мою помощь...

Остап Вишня

РЮМОЧКА ВОДКИ

Против алкоголизма (а не против рюмки водки, или стакана вина «при случае») должно бороться общество.

... Было бы смешно зачислять в пьяницы того, кто привык выпивать стакан вина или кружку пива, или кто позволит себе это в гостях.

Н. Семашко. («Правда», № 119.)

Когда Брюкин бросил пить — никто этого всерьез не принял. Первые несколько дней на трезвого Брюкина посматривали с ехидным недоверием:

— Знаем, мол, таких! Запьешь, как придет время!

Но Брюкин не запивал и через три месяца все приняли нового Брюкина, как непреложный факт.

Поэтому никого не удивило, что в ячейке общества борьбы с алкоголизмом именно его, Брюкина, провели в секретари.

После собрания председатель пригласил членов президиума к себе:

— Устраиваю дружескую вечеринку по случаю...

Пошли все, и Брюкин пошел со всеми, по-детски радуясь своей первой общественной должности.

В комнате председателя приятно сверкал белоснежной пеленой скатерти стол. Со стены дружески улыбались гостям луноподобный Демьян Бедный и Буденный, кончики усов которого заскакивали за обрез рамы.

А на столе!!!

На столе рядом с горькой, настоенной на апельсине, играла рубинами бутылочных граней густая наливка, и темно-красный спотыкач словно оттенял нежную пустоту тоненьких ромок.

Брюкину стало не по себе.

Он не знал, надо ли выразить свое отношение к происходящему, и почти с испугом смотрел на хозяина, наполнявшего рюмки до самых краев, и на гостей, в руках которых сверкали вилки, казавшиеся коршунами, молчаливо парящими над добычей.

— Я не пью! — решительно отодвинул он в сторону свою рюмку, так быстро, что струя водки залила скатерть.—Не пью!

— Ну, полно! — поморщился хозяин. — Одну рюмочку.

— Не могу. — Брюкин даже прикрыл рюмку ладонью.

— Да почему же?

— Я, извините меня, — набрался смелости Брюкин, — секретарь ячейки не какой-нибудь другой, а общества по борьбе с алкоголизмом и мне просто непонятно...

Кто-то из гостей поперхнулся проглоченной водкой. Хозяин поставил бутылку на стол, — посмотрел на Брюкина так, как смотрят на идиотов, и сказал:

— Как председатель, делаю вам первое замечание. Не следите за прессой!

— Но...

— Никаких но. Товарищ Семашко — хозяин для вящей убедительности поднял кверху указательный палец — товарищ Семашко в «Правде» пишет: «Против алкоголизма, а не рюмки водки, или стакана вина «при случае» должно бороться общество».

И, освобождая рюмку из пальцев Брюкина, продолжал, наполняя ее вином:

— И еще, там же, пишет товарищ Семашко, что «было бы смешно зачислять в пьяницы того, кто привык выпивать стакан вина, или кружку пива, или кто позволит себе это в гостях».

— Но медицина говорит, — попробовал Брюкин пустить в ход научные аргументы.

— Медицина? Если товарищ Семашко говорит, то медицине возражать не приходится! Вы как полагаете — медицина под началом Семашко, или Семашко под началом медицины. А?

Брюкину стало не по себе.

— Еще в контр-революционеры запишут! — подумал он. — В Семашке сомневаюсь!

И выпил.

В точности неизвестно, какой путь проделали винные пары в брюкинском организме. Известно одно: пройдя немало инстанций, они с завидной быстротой и без всякой волокиты, увернувшись от строгих курьеров и обязательных докладов, проникли в какие-то клетки, которые тихо спали в обновленном Брюкине уже три месяца, и бесцеремонно разбудили их.

Вторая рюмка прошла безо всяких цитат. Третья и четвертая были приняты, как желанные гости.

Между пятой и шестой, Брюкин вдруг вспомнил, что статью Семашки он читал сам и что там где-то сказано: «Участие в борьбе с алкоголизмом должно выражаться не только в формальном согласии с задачами общества, но и в личной пропаганде собственным примером».

Он никак не мог связать этого с тем, что цитировал ему радушный хозяин, и решил, что напился до потери способности рассуждать.

— Рюмочку можно, — рассуждал он сам с собой. — И стакан «при случае» можно. А личный пример как же? Не понимаю. До чего напился, а? Одно с другим связать не могу!

И, с горя, выпил шестую!

На заседании ячейки общества Брюкин коротко заявил о своем выходе. Когда его спросили о причинах, он встал и хриплым голосом пропойцы об'яснил:

— С программой не согласен. Стаканами пить могу. А рюмочками не выдерживаю. Очень уж трудно рюмочками!

Андрей Иркутов

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В журнале «Печать и Революция» (№ 4) В. Полонский обрушился на сотрудников «Смехача», работающих под общим псевдонимом «Кукрыниксы»:

...Кукрыникса угодливо смотрит заказчику в глаза и, вероятно, тихонько повизгивает...

...Иначе, как развратным, такое отношение назвать нельзя.

...Не обижайся, если твой карандаш назовут растленным.

...Шестиногая и шестирукая кукрыникса, переползающая из журнала в журнал...

И т. д., и т. д. —все в таком же «заезжательском» дух.

В этой же статье В. Полонский пишет:

...Сторонники «заезжательства» полагают, будто полемизировать — значит «обложить» человека, «покрыть» его крест-накрест, вдоль и поперек, сзади и спереди, изругать, оболгать, осрамить, а если можно, то, под шумок, нанести ему членовредительство...

...Мы в самом деле «заезжаем», а не полемизируем.

Вот уж, действительно, самокритика!

★

В Ленинграде издается «Бытовая Газета». При газете выходит «Детская страничка».

Вот что редакция этой странички нашла нужным напечатать в июне месяце:

Бродит улицей мороз,
Белым волосом оброс.
Армячишко маленький,
Ледяные валенки.
Всех мальчишек Колька ниже,
А и Колька тащит лыжи,—
Росту четверть метра,
А не трусит ветра!

Есть пословица: «Готовь сани летом», но нет пословицы: «Заполняй детские странички летом всякой попавшейся под руку требухой».

А ведь легко можно было бы это стихотворение «озлободневить»:

Хоть Виталий наш всех ниже,—
Он в июне тащит лыжи:
Хочется Виталию
Отыскать... «Италию»!..

★

Нарпиту, очевидно, надоело давать посетителям столовок обычную пищу.

Нарпит задался целью давать также и духовную пищу, для чего выпустил специальный журнал под названием «Нарпит».

Вот — образчик этой духовной пищи:

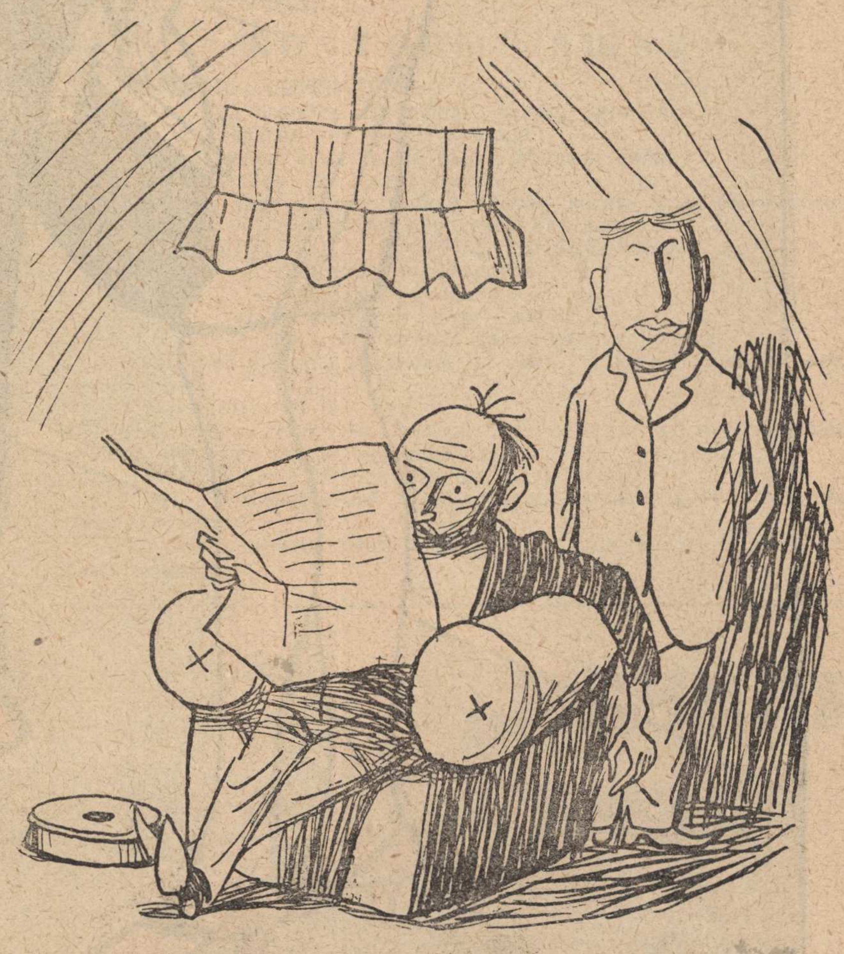
За пренебрежение к основным законам правильного питания, человечество платит всевозможными болезнями и преждевременной смертью. Для того, чтобы сознание диэтетической культуры внедрилось прочно в сознание каждого, мы с детства должны воспитывать в детях правильное представление о рациональном питании.

Передовица, надо правду сказать, не особенно горячо подана. К тому же — в ней мало соли и перцу.

Но рядовой посетитель нарпитовских столовок, прочитав ее, будет во много раз сытее тех легковерных соседей по нарпитовскому столу, которые ограничиваются поглощением «настоящего» обеда из трех блюд...

ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Рис. Б. Малаховского

— Вот в газетах пишут, что на Марсе новые каналы открыты.

— А нельзя ли от РКИ путевку получить насчет их обследования?

Рис. В. Козлинского

БЕСКОМАНДИРОВОЧНОЕ ВРЕМЯ

— Вы знаете, открытие Америки стоило самые пустяки.
— Еще бы! Тогда еще командировочных не выгоняли!

ДЕЖУРНЫЕ ОСТРЯКИ

(Ответы на «Смехачину»)

— «Почему у паровоза шесть колес, да и то опаздывает?»

На это А. Чернущенко из Курска не без ехидства отвечает:

— Дело не в колесах: хватает ли винтиков?

Не лишен той же доли ехидства и ответ Марка К. из Москвы на вопрос:

— «Кто и на солнце не загорает». Марк К. отвечает:

— Кто и под солнцем всегда умеет оставаться в тени.

А два компаньона-остряка из Харькова — Н. Крунский и Ю. Тышкан на наш безобидный вопрос:

— «Почему сирень цветет и никто не обижается?»

ухитрились ответить задиристо:

— Потому что «Без черемухи» было, а «Без сирени» еще никто не написал.

Но уже полный пессимизм — правда, не лишенный известной соли — проявил Борис Д. из Первомайска, в ответе на вопрос:

— «Почему спрятался месяц за тучку?»

Эту проблему Борис Д. разрешает так:

— Из чувства осторожности. Не желал освещать темные делишки!

А вот одна безфамильная «острица» из Москвы выкидывает совершенно неожиданный трюк и в ответ на вопрос:

— «Как вам не стыдно?» с пугающей неожиданностью отвечает:

— Не знаю. Бухгалтером не была!

С чего же это, девушка, на бухгалтеров вы накидываетесь и так жестоко острите? Не хорошо... А еще в Москве живете, и, может, даже в вегетарианской столовой обедаете, — как же это вы так?

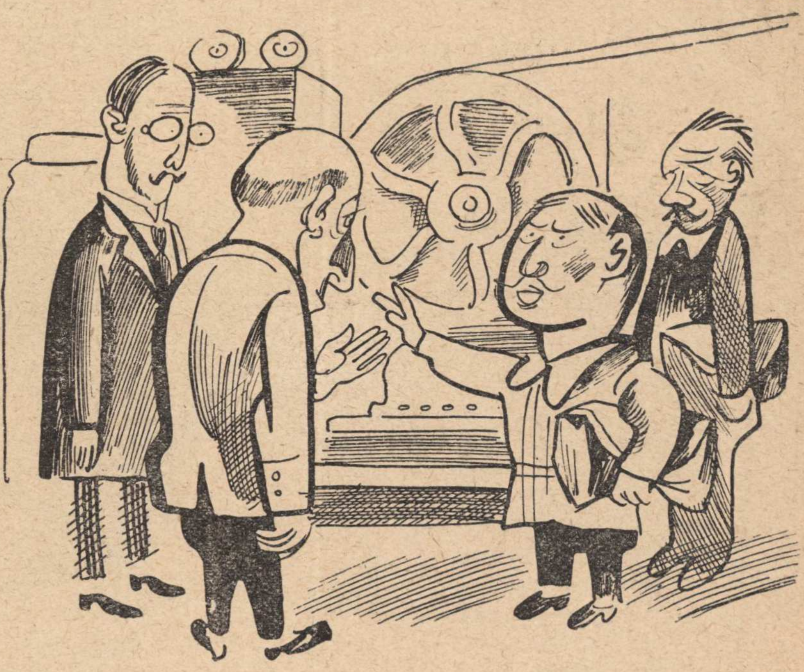
Ждем следующих ответов. Пишите кратко, ясно, весело, даже, если хотите, гениально.

Жюри против этого ничего не имеет.

См.

РЕДКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Рис. А. Р.

— Позвольте, товарищ инспектор, я и мои помощники честно стоим на посту...

— Я это вижу, только очень жаль, что и машины стоят вместе с вами!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

УТИЛИЗАТОР

Старинный афоризм утверждает:

— Поэты родятся, ораторами делаются.

Неизвестно почему, однако, представитель самарского селькредсоюза, выступавший на с'езде в Екатериновке, родившись поэтом, заделался оратором...

Рабкор Ф. Арцыбушевский докладывает «Смехачу», что предыдущий оратор уснащал свою речь перед крестьянами исключительно рифмами:

«Ассоциация», «Кооперация», «Девальвация», «Калькуляция», «Рационализация», «Утилизация» и т. д.

Свое огнедышащее слово сельхоз-оратор закончил эффектным возгласом:

«Итак, из всего сказанного мы должны умозаключить о рациональной максимальной утилизации женщин».

А подумал ли самарский селькредсоюз, посылая своего Цицерона в деревню, о рациональной максимальной утилизации своих мужчин?

ПРОСТИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ!

Против женского равноправия весьма выразительный довод приводят режиссеры фабрики Госвоенкино:

В качестве выдвиженки на должность помрежа была послана на фабрику Госвоенкино артистка Куницкая, которая, однако, к работе не была допущена. Причина, по словам нового директора, товарища Сазонова, возражения со стороны режиссеров, ссылающихся на то, что Куницкая женщина, а при женщине... неудобно выражаться. («Рабис»).

Полагая, что не только при женщине, но и при мужчинах не следует выражаться, «Смехач» набирает в рот воды по поводу выходки кино-режиссеров.

Пусть соответствующие выражения подыщет Рабис!

СИБИРСКИЕ МЛАДЕНЦЫ...

Омску везет на чужие грузы.

...Дрожжевому заводу, получившему дубликат на пресс для обработки солода, доставлен был... металлический ртутный выпрямитель...

...Музыкальный техникум выписал на тысячу рублей музыкальных инструментов... Когда вскрыли ящик с инструментами, то он оказался наполненным... сосками.

Хорошо, что музыканты не оказались младенцами... Не удалось заткнуть им рот сосками! Музыкальный техникум поднял крик, и соски были... отменены. Сибирским железнодорожникам соски также не понадобились: они, видно, сосут... лапу.

По ней и следует ударить!..

СМЕХАЧИНА

1. За какие убеждения вы стояли перед тем, как сесть?

2. Кто чаще свистит после третьего звонка: паровоз или зритель в театре?

3. Были ли стенгазеты на стенах Иерихонских?

4. Кто пузыри пускает?

За лучшие ответы будут выданы премии. Фамилии приславших наиболее остроумные ответы будут опубликованы в «СМЕХАЧЕ».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

ПЕРМЬ. — СИНЕУСУ.

«На огороде картофель, редис, бурачки...
А кругом от навоза вонища.
Смотрю я на новый быт в розовые очки.
Главное, что будет пища».

Если вы даже дадите любым поэтам десять хотя бы и розовых очков вперед, — не напишут они так!.. Так плохо.

Н.-НОВГОРОД. — СТАРОМУ ЗНАКОМОМУ.

«Горький без сомнения
Плачет от умиления..
Но только я знаю — эх! —
Ведь, это сквозь слезы смех»... и т. д.

Баста! Не нужно... ни смеха, ни слез... С вашей поэмой — покончен вопрос!..

РЯЗАНЬ. — Р. К.

Вы можете сообщать факты, не облекая их в литературную форму. Главное, чтобы сообщения ваши были правдивы.

ТАМБОВ. — ГЕННАДИЮ СЧАСТЛИВОМУ.

«Я — безработный драматический артист. Хочу в «Смехаче» подхалтурить...».

В драматических халтурщиках не нуждаемся. Интересуемся балетными...

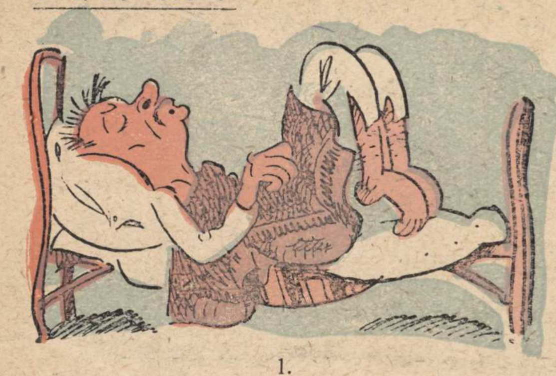
Издатель — «ГУДОК». Адрес редакции — Москва, Тверская, 28. Ответственный редактор — А. Богдасаров.

Главлит № А16768 МОСКВА, тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Тираж 100.000.

Рис. К. Ротова

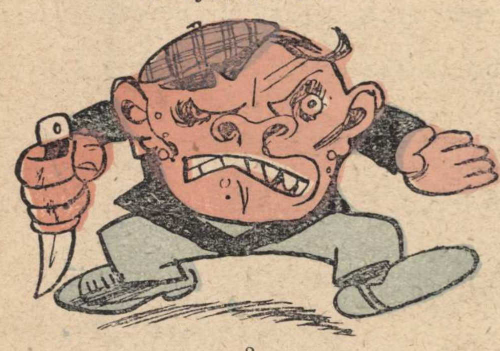
СОН РАБКОРА

Текст Н. Агнивцева

1.
В самокритическую пору —
Приснился страшный сон рабкору!
И видит он:
Прут на него со всех сторон —
В коллекционном полном сборище —
Весьма паршивые чудовища!

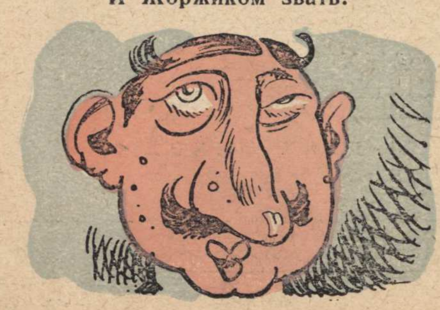
2.
Вот, Горилла-Мандрилла,
Хулиганское рыло!
В лапе — ножище,
Вокруг — вонище,
На личике — зад,
На губках — мат!

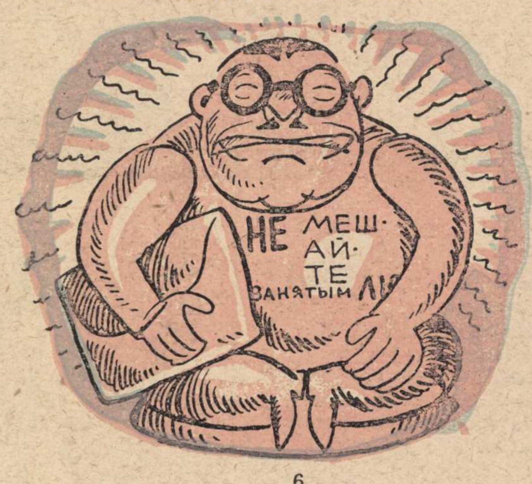
3.
Вот, наших времен
Аттракцион:
Человек в бутылке!
С пробкой в затылке!

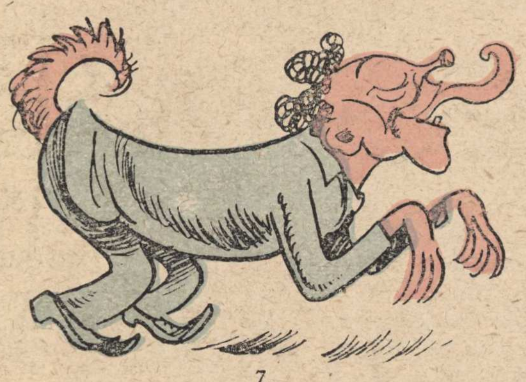
4.
Вот, пустозвонный,
Протекционный
Фертик
В конверте!
Видом — древесина,
Нравом — балбесина,
В мозгах — тишь да гладь
И Жоржиком звать!

5.
Вот, в священном бездельи,
Застыл Медный Будда с портфе-
лем!
И сияет плакат на Будде:
—«Не мешайте занятым людям!»

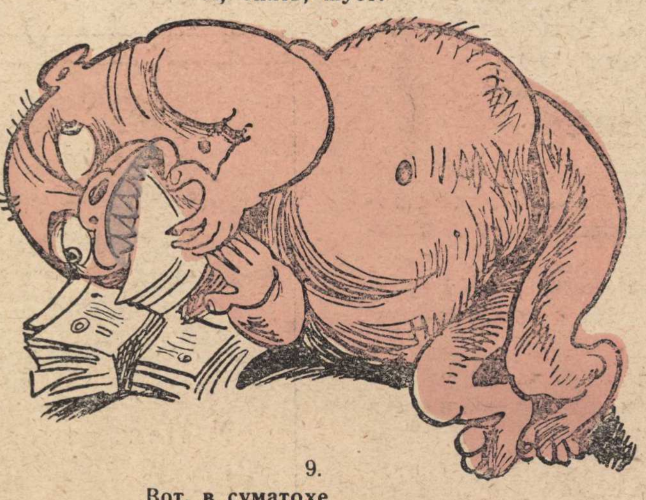

6.
Вот, собачка
Просит подачку!
Вертушка,
Вострушка,
Сплошная душка!
Носиком — шмыгает,
Лапками — дрыгает,
Хвостиком — машет,
На лапках пляшет
И всяким начальникам лижет
Те части — какие пониже!

7.
Вот, боров особого рода,
Редкой свинячей породы —
С видом весьма забубенным,
И с антисемитским уклоном!

8.
Вот, Волокитное Бумажное Чучело!
От всяких бумаг живот ему вспу-
чило!
А оно, проклятущее, за пачкой —
пачку —
Продолжает жевать бумажную
жвачку!
Пожует! Рыгнет!
И, опять, жует!

9.
Вот, в суматохе
Прыгают блохи
С человечьими головами!
Звать: «трепачами!»

10.
Вот, тяп-ляп —
Головотяп!
Сам на себя глядит обалдело!
Дело
В том, что его части тела,
В первый раз на земле,
Переместились слегка:
— Вместо башки — филе,
Вместо филе — башка!

11.
И вся эта свора
Шасть на рабкора!
— «Постойте-ка, мол, подождите-ка,
Покажем мы вам Самокритику!»...

12.
И, с места, эти чучелы
Рабкора крепко взбучили!
Рабкор совсем ослаб
И помер бы, когда-б
На помощь не пришли
Три буквы:

13.
А буквы те серьезные!..
И чудища гуртом —
С поспешностью нервозною
Откланялись и — вон!

14.
Рабкор проснулся,
Очнулся, отдулся,
Чихнул, зевнул
И, опять, заснул!

15.
И видит, в рабкорьем восторге
Умиляясь во сне неистово,
Что будто бы сам Горький
Рукопись его стал перелистывать..
Прочитал! Нахмурился! И после
всего
Пробасил с улыбкой любезною
Что-то вроде того,
Что:
«Мол, грамотность — штука полез-
ная!»
— Во!